

СКРЫТАЯ ИМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ ЭТАЛОННОСТИ И ЭТАЛОНЫ ФОРМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2010 г. И. М. Кобозева

В статье выделяется скрытая категория имен, используемых как источник обозначений для характеристики объектов или явлений по тем или иным параметрам или атрибутам, названная категорией эталонности. Проводится ее тематическая субкатегоризация на эталоны цвета, формы, звучания и т.п. Подробно рассматривается субкатегория эталонов формы и семантика производных от них – “наивных” – формообозначений, которые сравниваются с “геометрическими”. Попутно затрагивается вопрос о семантике диминутивов и выделяется еще одно типовое контекстное значение диминутивов – абстрактное значение формы.

A new covert category of nouns called “standardness” is brought to light in the paper. It comprises the nouns that serve as a source of linguistic means for marking values of attributes and parameters of physical objects and events. It is subcategorized on a thematic basis into standards of colour, form, sound etc. Form standards as well as the semantics of folk form terms derived from them are a subject of closer examination. The latter are compared to geometrical terms. Incidentally the semantics of diminutives functioning as form terms is addressed.

1. О понятии “скрытая категория”

Термином “скрытая категория”, или “крипто-тип”, введенным Б. Уорфом во второй половине 30-х годов прошлого века (см. [1]), первоначально называли классы слов и лежащие в основе их выделения семантические оппозиции, которые, не имея прямых морфологических показателей, обнаруживают себя в совокупности грамматических свойств, присущих членам таких классов. Разнообразие грамматических проявлений скрытой категории и ее полевую структуру хорошо иллюстрирует категория контролируемости, противопоставляющая ситуации, осуществляемые по воле их главного участника, ситуациям, не зависящим от его воли, которая приведена в качестве примера классифицирующей скрытой категории в [2, с. 458]. Предикаты, принадлежащие к категории “неконтролируемых”, не сочетаются с обстоятельственными целевыми конструкциями (придаточными цели, предложными группами с целевыми предлогами *для*, *ради* и т.п.); морфологической формы императива они или вообще не имеют (напр., *видеть* в современном русском языке, *гнуть*), или, употребляясь в такой форме, имеют не стандартное для нее побудительное значение, а либо значение условного наклонения (напр., *Промохайсь он, и мы бы пропали*), либо нетривиальную для императивных форм прагматическую функцию (пожелания – *Выздоровляйте!*; проклятия – *Провались ты!* и т.п.); в императивных предложениях с отрицанием, выражающих предостережение, они употребляются

только в форме СВ: *Не очутись в канаве!* (НСВ отсутствует); *Не поскользнься!* / *Не поскользвайся!*; форма настоящего времени НСВ таких глаголов не может выражать значения запланированного будущего, ср. *Завтра мы отдыхаем / простужаемся* (в [3, с. 68–82] приведены еще некоторые диагностические признаки “контролируемости / неконтролируемости” предикатов). Ядерные, прототипические представители (не)контролируемых предикатов проявляют все характерные свойства своей категории, а периферийные – какую-то их часть. Так, *понять* (что Р) по большинству диагностик – неконтролируемый предикат, но он может употребляться в императиве со стандартным побудительным значением, ср. *Поймите, что в сложившихся обстоятельствах я не могу выполнить это задание.*

В круг тех явлений, которые рассматривались как проявления скрытых категорий, входят и морфосинтаксические сочетаемостные ограничения (соответственно, отсутствие таковых у коррелятивного члена категориальной оппозиции), и специфическая для члена категории интерпретация его грамматических форм в определенном типе контекстов, и ограничения на словообразовательные модели (напр., отсутствие дериватов с приставками *по-* (в делимитативном значении) и *про-* (в пердуративном значении) у глаголов, принадлежащих к скрытой категории “временной нелокализованности” [3, с. 45]). Поскольку сочетаемость – явление неоднородное, и включает в себя не только морфо-синтаксическую, но и лексическую и семантическую сочетаемость, то

в принципе к проявлениям криптотипа можно отнести и специфику лексической и семантической сочетаемости. Тогда к скрытым категориям можно отнести и именную категорию “топологического типа” [4], проявляющуюся и в морфосинтаксической сочетаемости конкретных существительных с пространственными предлогами, и в семантической сочетаемости с прилагательными размера [5]. Если же рассматривать лексическую сочетаемость имени со своими синтагматическими партнерами, реализующими ту или иную концептуальную метафору [6], то возникает соблазн назвать криптотипами классы имен, подпадающие под одну и ту же метафорическую модель, например, модель “X есть живое существо”, куда наряду с именами живых существ попадут, например, *огонь* и *вода* [7]. В последнем случае, правда, мы уйдем уж слишком далеко от изначальной идеи скрытой категории, которая, коррелируя с открытой грамматической категорией, подразумевает хоть какую-то связь проявлений категории с грамматическими явлениями, пусть и в самой широкой трактовке области “грамматического”.

Считается, что при широкой трактовке понятие “скрытые категории”, по сути, совпадает с тем, что называют “семантическими признаками” или “синтаксическими признаками” (в зависимости от того, о явлениях какого уровня идет речь), существенными для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость (ср. [2, с. 457, 458; 8]). С этим можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, далеко не всякий семантический признак, влияющий на сочетаемость слова, уместно называть скрытой категорией. “Категориями” в лингвистике принято называть признаки, разбивающие единицы языка на классы, каждый из которых является более чем одноэлементным множеством, а “семантический признак” может быть присущ индивидуальной единице языка и противопоставлять ее всем остальным, ср. семантический признак ‘матрица’ у английского существительного *matrix* “матрица”, который необходим для описания сочетаемости английского глагола *diagonalize* “диагонализировать” (пример Дж. Мак-Коли [9]). Во-вторых, далеко не всякой скрытой категории соответствует синтаксический или семантический признак, поскольку признаки обоих типов “семантически мотивированы, то есть отражают определенную семантическую особенность слова” [10, с. 30], а скрытая категория, например, категория исчисляемости / неисчисляемости существительных, может быть не сводима к наличию / отсутствию такой особенности. Что общего имеют в своем лексическом зна-

чении исчисляемые существительные *стол*, *гроза* и *заседание* и неисчисляемые *молоко*, *темнота* и *совесть*? Если такое сходство и есть, то оно лежит глубже лексико-семантического уровня в области категорий когнитивного уровня (обсуждение таких категорий см., например, в [11]). Итак, хотя и верно, что “скрытые категории” имеют содержательную мотивировку, следует иметь в виду, что эта мотивировка не всегда соответствует наличию / отсутствию определенного семантического компонента в лексическом значении слов, на которых эта категория определена.

2. Эталонность имени как скрытая категория и ее субкатегории

То явление, которое мы рассматриваем, можно трактовать и как скрытую именную категорию русского языка, и как нетривиальный семантический признак [10, с. 28–34], и как определенный тип лексических коннотаций. Область определения этой категории, как и в случае с категорией топологического типа, – множество конкретных имен существительных (N_{concr} в Национальном корпусе русского языка), которое разбивается ею на **эталонные** и **неэталонные имена**. Критерием эталонности конкретного имени является наличие у него **деривата** (морфологического или семантического), который служит **узуальным способом выражения значения того или иного атрибута или параметра** физических объектов и / или событий¹. Далее эталонная лексика классифицируется по тематическому основанию – по тем параметрам / атрибутам, для которых денотат имени служит эталоном. Таким образом, для русского языка выделяются по меньшей мере следующие субкатегории:

- 1) эталонные имена для атрибута цвета, или **эталонны цвета** – *малина*, *сирень*, *вишня*, *роза*, *салат*, *горох* и другие, так как от них образуются адъективные цветообозначения (*малиновый*, *сиреневый*, *вишневый*, *салатовый*, *гороховый* т.д.);

¹ Требование узуальности исключает из данной категории имена, которые могут быть окказионально употреблены для выражения значений тех или иных параметров и атрибутов (пример окказионального использования конкретных имен для обозначения формы см. в разделе 3). Термин “параметр” мы используем для обозначения шкалируемых и измеримых свойств объектов и событий, а “атрибут” – для обозначения не скалярных, не подлежащих измерению свойств (ср. противопоставление *scalar* и *literal attributes* в “Онтологической семантике” С. Ниренбурга и В. Раскина [12]).

- 2) эталонные имена для атрибута формы, или **эталоны формы**² – *кольцо, серп, колокол, веер* и т.д., так как от них образуются “формообозначения” одним из двух способов (или сразу обоими): либо путем образования прилагательных на *-видный* и / или *-образный* (*кольцевидный, серповидный, веерообразный*), либо путем образования от них абстрактных семантических дериватов со значением формы: *свернуться кольцом, юбка колоколом, расходиться веером, крылья серпом, построятся серпом*³;
- 3) эталонные имена для параметра скорости, или **эталоны скорости**: *пуля, стрела, ракета, молния* и др., так как они имеют абстрактные семантические дериваты со значением скорости, реализуемые в конструкции “глагол + имя в творительном падеже”: *мчатся стрелой, молнией броситься куда-л., пронестись ракетой, пулей сорваться с места*;
- 4) эталонные имена для атрибута звучания, или **эталоны звучания** – *колокол, труба, колокольчик* и др., так как их дериваты (морфологические или семантические) могут обозначать разные виды звучания *трубный бас, греметь колоколом, реветь громом, заливаться бубенчиком*.

Заметим, что эталоны по атрибутам и эталоны по параметрам отличаются друг от друга существенным образом. Атрибуты представлены неупорядоченным набором значений, различия между которыми, во всяком случае, с позиций естественного человеческого восприятия, не вооруженного научными теориями и соответствующей аппаратурой, не могут быть сведены к простой количественной мере (ср. разнообразные формы, цвета или тембры звучания). Именно поэтому для ориентации в континууме возможных значений атрибута и выделяются в качестве “реперных точек” значения этого атрибута у всем знакомых (в данной культуре) предметов. Параметры же, такие как размер, вес, скорость, можно охарактеризовать количественно, избрав единицу их измерения. И хотя в давние времена в качестве таких единиц также избирались параметры легко доступных предметов (напр., средний размер стопы или части руки от кончиков пальцев до локтя и т.п. для параметра линейного размера), соответствующие имена (*foot, локоть* и т.п.) могли бы быть отнесены к скрытой категории “единиц

измерения”, а не эталонов, по крайней мере в русском языке, поскольку, в отличие от последних, они встречаются в составе модификаторов вида *на столько-то X-ов* или *столькими-то X-ами* со значением “разницы” при прилагательном в сравнительной степени (ср. *на три сантиметра / на две головы / двумя этажами выше*). Характеристика объекта / явления по заданному параметру через отсылку к известному значению этого параметра у эталонного объекта или явления, не служащего “единицей измерения” данного параметра, является приблизительным способом оценки и задает размытую зону на шкале данного параметра. В случае параметра скорости эталоны типа *пуля, молния, стрела* в соответствующих конструкциях обозначают ‘скорость, существенно превосходящую норму для объектов / событий данного типа’. Все они могут рассматриваться как выражения стандартной лексической функции Magn с дифференцирующей пометой, указывающей как раз на тот параметр, по которому объект / событие превосходит норму, например Magn_{vel} (ср. выделение разных лексических функций класса Magn в [14]). Кстати, трактовка слов *молния, ракета, пуля, стрела* как эталонов скорости позволяет сделать более экономным описание сочетаемости слов в толково-комбинаторном словаре. Тогда не надо будет при каждом глаголе быстрого движения в зоне лексических функций указывать среди значений функции Magn_{vel} один и тот же набор существительных в творительном падеже, а можно будет пометить конкретные имена в словаре нетривиальным семантическим признаком “эталон скорости” и задать единое правило взаимодействия значений. Согласно этому правилу, в определенном морфосинтаксическом и семантическом контексте имя, среди ЛСВ которого есть конкретный вариант с пометой “эталон скорости”, должно интерпретироваться как обозначающее ‘скорость выше нормы’.

По способу образования дериватов, выражающих значения атрибута / параметра, субкатегории эталонных имен связаны отношениями “семейного сходства”. Так, от эталонов цвета, формы и звучания образуются при помощи тех или иных суффиксов прилагательные с соответствующими значениями. Эталоны формы, звучания и скорости имеют общее грамматико-семантическое свойство – способность выражать значение соответствующего атрибута / параметра в форме творительного падежа, или, в более привычной терминологии, иметь “творительный сравнения”. Дополнительными общими свойствами эталонов формы и скорости является употребление этих имен: 1) в составе сложных существительных,

² Данный класс имен был выделен нами и назван “эталонами формы” в [13].

³ Здесь и далее все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

см. напр. *шпиргалка-гармошка*, *сережки-гвоздики* (на базе эталонов формы) и *телеграмма-молния* (на базе эталона скорости); 2) в качестве номенклатурных наименований видов артефактов или их собственных имен, ср. *пирожные* “*Трубочка*”, “*Кольцо*” (на базе эталонов формы) и *поезд* “*Стрела*”, *катер* “*Ракета*” (на базе эталонов скорости).

Как и все понятийные категории, субкатегории эталонной лексики образуют поля, центральные члены которых имеют максимум характерных свойств, а периферийные – только их часть.

3. Эталоны формы. Состав класса

Рассмотрим подробнее субкатегорию эталонов формы (далее ЭФ) как наиболее многочисленную. В русском языке она включает в себя более 60 имен, среди которых:

арка, бабочка, бант, башня, бочка, брусок, валик, веер, вилка, винт, волна, гантель, гармошка, гнездо, гора, гребень, груша, диск, дуга, звезда, змея, зонт, зубец, игла, капля, клин, колесо, колокол, колонна, кольцо, крест, крюк, купол, лента, лепешка, лопата, нить, палка, подкова, полумесяц, рог, скоба, сосок, стержень, столб, стрела, труба, чаша, язык, яйцо.

Количество ЭФ возрастет почти вдвое, если учесть, что часто в категорию ЭФ входит не только “первообразное” имя, но и образованный от него диминутив (*бантик, вилочка, горка, крестик, палочка* и т.п.). Данный список можно пополнить также историческими именами букв, например, *покой*, или сочетаниями типа *буква Г⁴*, а также именами цифр, например, *восьмерка*.

Заметим, что в список ЭФ не включены имена, которые используются для характеристики атрибута формы только одного класса объектов. Так, *уточка* не является ЭФ, так как используется только для описания формы носа в словосочетании *нос уточкой*, которое представляет собой фразему, первый компонент которой выступает в своем прямом значении, а второй получает специфическое только для данного лексико-синтак-

сического контекста значение формы, связанное с прямым значением слова *уточка* весьма сложным образом. Ясно, что это не форма данной птицы, а скорее, форма ее клюва. И хотя синекдоха – перенос имени с целого (в данном случае – формы утки как целого) на часть – обычный способ семантической деривации, и в принципе можно предсказать, какую именно часть целой формы следует выбрать в данном случае (форму клюва – подобия человеческого носа у птиц), но общего правила взаимодействия значений, под которое подводился бы данный случай, не существует.

Относительная многочисленность ЭФ объясняется характером атрибута формы: большим разнообразием его значений (в отличие, например, от атрибута пола) и сравнительной легкостью их перцептивной идентификации (в отличие от, например, атрибута “характер звучания”).

Как мы видим, ЭФ принадлежат разным семантическим полям, или тематическим классам (группам). Среди них встречаются имена животных (*бабочка, змея*), их частей (*гребень, рог, сосок, язык*), их жилищ (*гнездо*); имена плодов растений (*груша*) и животных (*яйцо*); имена природных (*волна, гора*), в том числе астрономических (*звезда, полумесяц*) объектов; имена разнообразных артефактов: сооружений (*башня*) и их частей (*арка, колонна, купол, столб, труба*), инструментов (*игла, клин, лопата, палка, скоба*) и их частей (*зубец*); сосудов (*бочка, чаша*), столовых приборов (*вилка*), металлоизделий (*винт, крюк, подкова*), частей мебели (*валик*), аксессуаров (*бант, веер, гребень*); имена репрезентационных объектов (*буква Г, восьмерка*) и др.

ЭФ – это в основном имена классов объектов, в каждом из которых все члены имеют приблизительно одну и ту же форму, обладающую какими-то свойствами, обеспечивающими ее выделенность среди многообразия других форм, ее относительную простоту и связанную с этим легкость ее запоминания и узнаваемость. Одним из таких свойств, которое, впрочем, не является необходимым, является симметричность формы. Как правило, денотаты ЭФ – объекты, форма которых постоянна. Но это могут быть и объекты, способные менять свою форму (напр., *веер, зонтик, змея*), и тогда в качестве эталонной рассматривается форма объекта “в действии”, например, раскрытых веера и зонтика, ползущей, а не свившейся кольцом или мертвой змеи, поскольку “в бездействии” эти объекты по форме не отличаются от многих других.

Субкатегория ЭФ образует ядерную часть категории эталонности, так как этим именам свой-

⁴ Мы благодарны Т.В. Шмелевой за указание на функционирование имен букв в качестве эталонов формы и предоставленную возможность ознакомиться с ее работой [15], где отмечается это свойство имен отдельных букв русского алфавита. Обозначая репрезентационные объекты, то есть сущности двойственной природы – одновременно и материальной (звук) и идеальной, ментальной (смыслоразличительная функция), такие слова и выражения на вполне законных основаниях могут быть включены в класс конкретных имен (как и в класс абстрактных имен).

твенно большее количество специфических языковых проявлений. По определению ЭФ должны иметь дериваты с абстрактным значением формы, которое образуется путем абстрагирования признака формы от типичных представителей категории объектов-ЭФ, схематизации этой формы и ее идеализации [4]. Так, при всем разнообразии реальных форм плодов, именуемых *грушами*, “форма груши” – это (относительно) симметричная фигура, ограниченная плавными кривыми линиями, сходящимися в одном направлении и расходящимися в противоположном с постепенным закруглением и переходом в окружность. Наша не слишком удачная попытка описать “форму груши” наглядно демонстрирует, какую экономию языковых и мыслительных усилий дает описание форм при помощи дериватов ЭФ, ср., например (*нос*) *грушей*, *грушевидный* / *грушеобразный* (*сосуд*). Благодаря своей связи с ЭФ подобные наивные формообозначения активируют в сознании образ прототипической груши с характерной для него формой.

4. Эталоны формы и диминутивность

Обращает на себя внимание обилие диминутивов в составе ЭФ. Естественно, что принадлежность диминутива к ЭФ свидетельствуется в основном их участием в конструкции с “творительным сравнения”, или точнее – с “творительным формы”, так как прилагательные на *-видный* / *-образный* образуются от очень небольшого числа диминутивов. Так, в словаре [16] приведены следующие прилагательные на *-образный* / *-видный* со значением формы от диминутивов⁵: *трубкообразный*, *палочкообразный*, *крючкообразный*, *зонтикообразный*, *венчикообразный*, *рожковидный*, *зонтиковидный*, *венчиковидный*, *стрелковидный*. Легко заметить, что если у ЭФ есть употребительный диминутив, то последний тоже будет ЭФ, ср. *хвост трубой*, *сложить руки трубкой*, *вытянуть губы трубочкой*. Иногда эталонным именем является только диминутив, а его исходный коррелят не является ЭФ. Так, например, при том, что слово *елка* не принадлежит к ЭФ, диминутив *елочка* входит в эту категорию, ср. следующие примеры из НКРЯ (в сокращенном виде): *свищи распределяются елочкой*, *подниматься в горку “елочкой”*, *кирпичи елочкой*, *пар-*

кет елочкой и т.д. Если учесть такие “непарные” диминутивы, то в список ЭФ, приведенный в п. 3, надо добавить, по меньшей мере, *лесенку* (*дом лесенкой*; *пострижен лесенкой*; *белье лежало лесенкой*), *колбаску* (*скатать колбаской кусочек пластилина*; *бакенбарды колбасками*), *рюмочку* (*каблук рюмочкой*, *талия рюмочкой*), и *солнышко* (*крутится солнышком на перекладине*, *выкладывать топоры “солнышком” – топорницами по кругу*; *масло расплавилось на поверхности каши желтым солнышком*).

Широкое употребление диминутивов для описания формы позволяет уточнить представление об их семантическом потенциале. В известной работе Н.Ф. Спиридоновой [17] у русских уменьшительных имен помимо субъективно-оценочного “ласкательного” употребления выделено три собственно диминутивных значения. Если обозначить денотат исходного имени *X* как *X*, то диминутив от *X* может иметь значение: 1) уменьшенного экземпляра *X* (например, *ямка* в значении ‘маленькая яма’; 2) уменьшенного *X* особого типа (например, *сумочка* в значении ‘маленькая сумка, предназначенная для женщин’); 3) имитации *X* (например, *лопатка* для торта – предмет, который существенно меньше лопаты и отчасти имитирует ее форму, но не функцию). К указанным субъективно-оценочному и трем предметным значениям следует добавить абстрактное значение схематизированной формы *X* (или выделенной части *X*), которое диминутив от *X* обозначает, выступая в конструкции с “творительным формы” (ср. *борода* [A] *клинышком* [X]) и в ее генитивных перифразах с тем же значением ‘A в форме X’ (ср. *клинышек* [X] *бороды* [A]). Связь значения формы с другими значениями имени, как “непроизводного”, так и уменьшительного – это случай регулярной метонимии, а именно перенос имени объекта на его атрибут – схематизированную форму. Заметим, что абстрактное значение не обязательно включать в свой состав ни положительную субъективную оценку, ни компонент уменьшительности (ср. *дом лесенкой*, где размер той геометрической фигуры, которую образуют контуры многоэтажного дома, много больше размера прототипической лестницы). К связи ЭФ-диминутивов с семантикой размера мы еще вернемся в разделе 5. А в заключение данного раздела отметим только, что имитационное значение диминутива в том случае, если имитируется именно форма исходного объекта, создает базу для формирования и поддержания абстрактного значения схематизированной формы, поскольку придает признаку формы “когнитивную выпуклость”.

⁵ Указанным способом от имен образуются прилагательные и с другими значениями, ср. *желеобразный* (определенной консистенции), *медведеобразный* (определенного размера, веса, манеры двигаться), *мышевидный* (о грызунах: похожий на мыш; о людях: подобный мышам по относительно-малому размеру, повадкам, непривлекательности).

5. Наивные и геометрические формообозначения и их свойства

ЭФ, точнее их абстрактные дериваты, суть наивные формообозначения, которые встают в один ряд с геометрическими формообозначениями, производными от названий геометрических фигур и тел. Последние, как и дериваты ЭФ, могут быть либо субстантивными – *линия, треугольник, круг, конус, пирамида, шар* и т.п., либо адъективными – *треугольный, конусообразный, шаровидный* и т.п. И те, и другие выражают значения параметра “форма” (физических объектов). Геометрические и наивные формообозначения одной и той же части речи имеют сходную дистрибуцию и сходные семантические свойства.

Что касается дистрибуции, то за редкими исключениями формообозначения-существительные, независимо от их источника, способны занимать позицию генитивного дополнения при слове *форма* и входить в предложную конструкцию *в форме / виде X-а*, используемую в функции определения или обстоятельства, ср. *в форме / виде треугольника, конуса, полушария, звезды, подковы, яйца* и т.п. Соответственно, формообозначения-прилагательные выступают при слове *форма* в качестве согласованных определений, ср. *круглая форма – (площадка) круглой формы, подковообразная форма – (рулет) подковообразной формы* и т.д. Заметим, что окказионально формообозначения могут образовываться от конкретных существительных, не входящих в категорию ЭФ, о чем свидетельствует как раз появление их абстрактных субстантивных и адъективных дериватов в указанных конструкциях. Ср. следующий пример из НКРЯ: *Одну только салфетку можно было складывать как минимум двумя дюжинами способов: сердечком, в форме курицы с цыплятами или черепахи, в форме вертела, ракушки... ну и так далее!* Однако наличие подобных употреблений не делает имена *курица, черепаха, вертел* или *ракушка* эталонами формы, так как они не обладают ни одним из двух категориальных признаков ЭФ, в частности, не зафиксированы словарями их дериваты на *-видный* и *-образный* со значением формы, и граммема творительного падежа (далее ТВОР) у данных имен не имеет узуального значения формы, иначе говоря, они не выступают в конструкции с “ТВОР формы” (ср. с употреблением в такой конструкции имени *сердечко* в вышеприведенном примере, принадлежащего в своем предметном значении к категории ЭФ).

Конструкции с ТВОР формы – еще один аспект дистрибуции, общий для имен геометрических объектов и ЭФ. Однако и среди первых, и среди

вторых есть имена, не употребляющиеся в этой конструкции. Например, как справедливо отмечено в [18], к таковым принадлежат *конус, линия* (имена геометрических объектов) и *звезда* (ЭФ).

Что касается семантических свойств, то для многих геометрических формообозначений характерна регулярная многозначность, основанная на когнитивных операциях метонимического переноса того типа, которые были эксплицированы К.А. Гиляровой в ходе когнитивно-семантического анализа многозначности прилагательного *круглый* [19]. Так, прилагательное *круглый*, как и многие другие адъективные геометрические формообозначения, может обозначать форму объектов, схематически сводимых к линейным, одномерным (*круглые / квадратные / овальные звенья цепи*), плоскостным, двумерным (*круглый / квадратный / овальный поднос*), а также к объемным, трехмерным, причем как сплошным, так и полым (*круглая / квадратная / овальная комната, конфета*). При этом в случае трехмерных объектов достаточно, чтобы соответствующую форму имела только одна проекция объекта, ср. *круглая / овальная башня*, или только одна, но функционально выделенная часть объекта, ср. *круглый / квадратный / овальный стол*. Кроме того, те же слова могут обозначать форму объектов, которая лишь частично совпадает с их прямым, первичным значением, ср. *круглый почерк, квадратная голова, квадратные скобки*, а также форму, которую имеет множество определенным образом соположенных объектов, ср. *Дети, встаньте в круг; Танки идут ромбом*. Далее мы будем называть такие множества “пунктирными” объектами. Те же типы метонимических переносов обнаруживаются и в семантической структуре формообозначений, образованных от ЭФ. Так, образованные от ЭФ *лин* формообозначения могут обозначать форму как (схематически) двумерных (*клинообразный / клиновидный след, значок; поляны, клином вдающиеся в леса*), так и трехмерных (*клинообразная деталь*) объектов, а также более сложные формы, включающие форму клина в ее плоскостном варианте (ср. *клиновидные письмена*). В форме ТВОР *лин* может обозначать форму (схематически) одномерной, сплошной или “пунктирной”, фигуры, являющуюся частью контура плоскостной формы клина (*бревна сходятся клином, журавли летят клином*). От ЭФ *серп* образуются формообозначения, применимые не только к объектам (схематически) одномерным (*серповидный хвост*), двумерным, как целостным (*серповидное лезвие ножа*), так и “пунктирным” (*построить серпом*), но и к трехмерным (*ложбина серпом*). Значением деривата от ЭФ *трубочка*

в конструкции с ТВОР формы является не только форма трубки (*губы трубочкой*), но и часть этой формы, которая получается, если, сворачивая лист в трубку, мы не сводим один край листа с противоположным ему, оставляя между ними зазор, ср. *язык трубочкой торчит изо рта* (пример из [18]). Вместе с тем как геометрические, так и наивные формообозначения бывают закреплены за формой объектов определенной “мерности”. Так, формообозначения, производные от имени геометрического объекта *конус* и от ЭФ *колокол* всегда характеризуют трехмерные (в их “рабочем” состоянии) объекты. Те, что произведены от геометрического объекта *окружность* и от ЭФ *игла* всегда обозначают форму (схематически) одномерных объектов, а те, что образованы от геометрической фигуры *ромб* и ЭФ *лента* – (схематически) двумерных объектов.

Семантическое отличие наивных формообозначений от геометрических состоит в том, что в структуре регулярной многозначности последних всегда присутствует значение базовой формы, которую имеет исходный геометрический объект, тогда как для наивного формообозначения не обязательно, чтобы среди его значений присутствовало значение формы исходного физического объекта. Так, среди значений геометрических прилагательных *овальный*, *конусообразный* и т.п. или значений геометрических имен типа *трапеция*, *пирамида* в конструкции с ТВОР формы в качестве основного выступает именно значение формы соответственно *овала*, *конуса*, *трапеции* или *пирамиды*, под которую “подгоняется” форма характеризуемых объектов (ср., *овальная комната*, *конусообразный муравейник*, *усы трапецией*, *уложить крокеты пирамидой на тарелку*). А вот среди значений деривата ЭФ *рюмочка*, который употребляется в конструкции ТВОР формы, нет значения формы, совпадающего с формой рюмки. Как формообозначение *рюмочка* обозначает не полный цилиндр, конус или полусферу, переходящие в тонкий короткий стержень, который резко переходит в конусообразное или дискообразное основание, а только часть этой формы – относительно тонкий стержень, резко расширяющийся с обеих “концов” (ср. *талия / каблучки рюмочкой*).

Как правило, дериваты ЭФ в конструкции с ТВОР формы выражают только значение атрибута формы, но некоторые одновременно фиксируют и значения других атрибутов или параметров. В работе [18], специально посвященной подклассу конструкций “X Y-ом” с ТВОР формы, где X обозначает “индивидуальный предмет”, под названием “дополнительных семантических наращений”, приносимых именем в позиции Y, отмечены три

таких характеристики: размер X-а, ориентация X-а и эстетическая оценка X-а – и приведены примеры. Мы остановимся подробнее на первых двух из них и попытаемся понять, существуют ли в этой области какие-то закономерности. При этом будем рассматривать только те конструкции, в которых Y – дериват ЭФ, а не окказиональное формообозначение, а X обозначает не только отдельный объект, но и множество объектов или вещество.

Начнем с атрибута ориентации. Естественно предположить, что свойством дополнительно к форме выражать ориентацию обладают дериваты от тех ЭФ, денотаты которых имеют фиксированную нормальную (функционально обусловленную) ориентацию. Однако это условие необходимое, но не достаточное. Так, ЭФ *столб* и *арка* характеризуются общей для них нормальной ориентацией – вертикальной. Но в ТВОР формы оба имени дополнительно указывают на вертикальную ориентацию только “по умолчанию”, то есть когда контекст либо поддерживает данную ориентацию (при помощи предикатов положения типа *стоять* или изменения положения типа *подниматься*), либо не противоречит ей, ср. *Из труб дым валил столбом* (столб дыма ориентирован вертикально, а не как-либо иначе), *Береза изогнулась аркой перед домом* (согнутое дугой дерево ориентировано вертикально). Но как только в контексте явно выражена иная ориентация характеризуемого объекта, оба имени утрачивают способность обозначать его вертикальную ориентацию, ср. *Уложить мясо на противень аркой* (мясо выкладывается в форме дуги в горизонтальной плоскости), *Лунный свет серебряным столбом пересек комнату от окна до противоположной ему стены, на которой висела большая африканская маска – подарок отца*. [Карен Шахназаров. Курьер (1986)] (столб света направлен горизонтально). Дериват ЭФ *гора* выражает вертикальную ориентацию в том случае, если X – множество объектов или вещество (ср. *На столе горой лежали игрушки*, где высота “горы” игрушек вертикально ориентирована). Но если характеризуемый объект имеет свою нормальную ориентацию, отличную от вертикальной, то дериват ЭФ *гора* не может навязать ему свою ориентацию. Так, например, живот человека представляет собой по терминологии [18] “выступ”, высота которого в “рабочем положении”, то есть положении стоя, постоянно ориентирована горизонтально, и в сочетании *живот горой* эта ориентация не меняется на вертикальную. Таким образом, можно выдвинуть следующее обобщение:

- дериват ЭФ Y может помимо формы денотата X обозначать и его ориентацию в пространстве, если денотат Y в норме имеет фиксированную ориентацию, а денотат X таковой не имеет.

Подчеркнем, что это лишь возможность, реализация которой зависит от контекста: если контекст однозначно задает ориентацию X -а, отличную от нормальной ориентации Y -а, то ориентация, приходящая Y -у “зачеркивается”.

Особый интерес представляют внутренне противоречивые контексты, в которых X , имеющий фиксированную пространственную ориентацию, сочетается с предикатом, задающим иную пространственную ориентацию, соответствующую нормальной ориентации Y -а, как в примере: *Семьи устраивали ночные карнавалы в холмах, под большим секретом делая маски и костюмы, лунная дорожка стояла столбом в черном, тихо кипящем море, веяли ветры, а луна!* [Людмила Петрушевская. Детский праздник (1998–1999)], где лунная дорожка имеет фиксированную горизонтальную ориентацию, а предикат *стоять* указывает на вертикальную ориентацию этого объекта, соответствующую дефолтной ориентации столба. Семантическим эффектом в данном случае является введение в семантическую структуру фигуры Наблюдателя, воспринимающего море с холма как вертикально ориентированную плоскость, на которой расположена в вертикальном же направлении полоса лунной дорожки. Заметим, что в данном случае дериват ЭФ *столб* уже не обозначает соответствующую ему в норме трехмерную форму вытянутого цилиндра, трансформируясь в ее двумерный аналог – полосу (о том, что один и тот же ЭФ может обозначать формы разной “мерности”, связанные определенными когнитивными трансформациями, мы уже говорили выше).

Параметр размера – ещё одна дополнительная характеристика объекта, которую выражают некоторые семантические дериваты ЭФ. В [18] это их свойство иллюстрируется при помощи имен *гора, лопата, клинышек, колесо*. Следует отметить, что из данных имен только в значении абстрактного деривата ЭФ *гора* лексически фиксирован признак большого размера (‘размер больше нормы’), ср. *живот горой; волны встают горами; на кровати горой лежала одежда* и т.п. Это можно рассматривать как свидетельство того, что в языковой картине мира гора принадлежит к “неизменно большим объектам (много больше человека)” [20, с. 138].

Словообразовательный дериват *горообразный* наследует от исходного имени семантический

признак большого размера, обозначая соответствующую форму объекта только в том случае, если этот объект по размеру больше нормы для объектов данного типа или существенно больше человека, см. все четыре примера из НКРЯ: *ворочать горообразную одежду на вешалке* (компактная масса одежды в размере, превышающем норму для вешалки); *горообразные тела слонов; горообразные облака; Он встал и, с трудом шаря огромными руками и переступая горообразными ногами, качаясь и страдая, зажег свечу...* [М.П. Арцыбашев. Пропасть (1912)]. К прототипически большим объектам относятся и денотаты таких ЭФ, как *башня, колонна* и *купол*. Следует отметить, что у их абстрактных дериватов это свойство не всегда оборачивается наличием признака ‘размер больше нормы’. Так, ЭФ *купол* прототипически имеет размер больше человека, но его дериваты могут характеризовать не только форму таких неизменно больших объектов, как небо (ср. *Небо стоит круглым куполом* [Константин Сергиенко. До свидания, овраг (2002)]) или объектов, которые по размеру больше нормы для объектов данного типа (ср. *И только лоб уходил лысым куполом в лысую просторную маковку* [Александр Солженицын. Матренин двор (1960)], где описан скорее большей, чем обычный по размеру лоб), но и объектов нормального размера (ср. *К подножию скульптуры падают струи, куполом восходящие из бортика фонтана* [Ольга Ведерникова. В саду “Аквариум” – премьера (2001)], где описан фонтан, про “струйную” часть которого можно сказать только, что она не маленькая⁶). Таким образом, формообозначению *куполом* дополнительно присущ признак ‘размер больше или равен норме’. Что же касается адекватного деривата *куполообразный*, то в его значении признак размера вообще отсутствует, о чем свидетельствуют многочисленные примеры его употребления в НКРЯ применительно к нормальным экземплярам объектов самого разного абсолютного размера, от здания до nanoостровков германия. Среди ЭФ есть и имена неизменно маленьких (по сравнению с человеком) сущностей, например, *капля*. Как формообозначение *капля* несет в себе сему ‘размер меньше нормы’, но, как и в случае с *куполом*, его адекватный коррелят – *каплевидный* и *каплеобразный* – применимы к объектам самого разного размера, например, к бриллиантам, щитам, самолетам, и не характеризуют их при этом как меньшие нормы для объектов данного типа.

⁶ И действительно, фонтан со скульптурой Аполлона в московском саду “Аквариум” вполне средний по размеру для городских фонтанов.

Особую связь с семантикой размера имеют ЭФ, образующие пары или тройки, состоящие из непроизводного имени и его диминутивного коррелята (коррелятов), например, *клин – клинышек, труба – трубка – трубочка*. Дериваты таких коррелятивных ЭФ обозначают одну и ту же форму, но дополнительно сообщают и об относительном размере характеризуемой сущности. Так, руки, сложенные *трубой, трубкой* или *трубочкой* образуют конфигурацию одной и той же цилиндрической формы с той разницей, что длина “цилиндра” и / или ширина его отверстия наибольшая в случае *трубы* и наименьшая в случае *трубочки*. Если диминутивный ЭФ обозначает объект нормального размера в своем классе, как *иголка*, то его непроизводный коррелят (*игла*) на этом фоне становится носителем семы ‘размер больше нормы’. Соответственно, характеризуя иглообразную форму прототипически больших объектов, мы, как правило, используем дериват *игла* (ср. *Останкинская башня иглой буравила небо* [Сергей Лукьяненко. *Ночной дозор* (1998)]), а для маленьких – *иголочка* (ср. ... и *ресницы, знаешь, иголочками такими...* [В.П. Катаев. *Квадратура круга*, 1928]).

Что касается остальных ЭФ, то в значение построенных на их основе формообозначений, как субстантивных, так и адъективных, сема размера не входит, а если мы и можем “вычислить” размер характеризуемого объекта, то только с учетом семантики определяемого имени и / или связанного с ним предиката.

Предложив ввести в число скрытых именных категорий категорию эталонности, подробнее рассмотрев субкатеорию эталонов формы и проанализировав формообозначения, являющиеся семантическими и словообразовательными коррелятами ЭФ, мы пока лишь вскользь затронули вопрос о том, как выделение данной скрытой субкатегории может быть использовано в лексикографической практике и совсем не касались ее применения при разработке систем автоматического семантического анализа текста. Этим вопросам мы надеемся посвятить отдельную статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Whorf B.L.* Grammatical category // Carroll J.B. (ed.). *Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf*. New York, 1956. Pp. 87–101. Перевод на русский язык: *Уорф Б.Л.* Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982.
4. *Talmy L.* How language structures space // Pick H., L. Acredolo (eds). *Spatial Orientation: Theory, Research and Application*. N.-Y.: Plenum Press, 1983.
5. *Рахилина Е.В.* Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. 1995. С. 58–81.
6. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago press, 1980.
7. *Кретов А.А., Борискина О.О.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.
8. Скрытые категории // www.krugosvet.ru
9. *Мак-Коли Дж.* О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
10. *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ↔ Текст” // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
11. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1, 4, 6.
12. *Nirenburg S., Raskin V.* *Ontological Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
13. *Кобозева И.М.* Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов // Труды Международного семинара Диалог’2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Протвино, 2000.
14. *Убин И.И.* Выражение параметра Magn в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. М., 1967.
15. *Шмелева Т.В.* Алфавит в русской культуре // Кириллица – латиница – графаница. Под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 20–52.
16. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
17. *Спиридонова Н.Ф.* Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 58. 1999. № 2. С. 13–22.
18. *Десятова А.В., Ляшевская О.Н., Махова А.А.* Конструкция с творительным формы “X Y-ом” // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). М., 2008.
19. *Гилярова К.А.* Радиальная структура значений как инструмент описания полисемии в когнитивной семантике. (Семантико-типологическое исследование прилагательного “круглый”) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 5.
20. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.